

- Прежде всего, позвольте спросить, что вас привело к Спинозе? То, что он еврей?
- Нет, ваше благородие. Я и не знал, кто он и что, когда мне книга попалась, — его же не очень жалуют в синагоге, если вы читали историю его жизни. Я увидел книгу на толкучем рынке в соседнем местечке, отдал копейку, потом еще ругал себя за то, что потратил деньги, которые с таким трудом достаются. А прочитал несколько страниц, и меня как ветром понесло. Я уже сказал, я понимал не все, но когда вы имеете дело с такими идеями, вас как будто околдовали. Я просто стал другим человеком...
- Не объясните ли вы мне, что, по-вашему, значит книга Спинозы? Иными словами, если это философия, то что она утверждает?
- Сказать нелегко... Книга означает разное в зависимости от содержания глав, хотя в самой глубине все и связано воедино. Но по-моему, смысл тут в том, что он хотел сделать из себя свободного человека, и каждый может, согласно его философии, — не знаю, понятно ли я говорю, — все продумав и все связав, если вы согласитесь со мной, ваше благородие.
- Неплохой подход, если говорить скорее об авторе, чем о книге. Но...

Маламуд, Мастер

Глава I. Жизнь Спинозы

Ницше хорошо понимал, пережив это сам, в чем тайна жизни философа. Философ овладевает аскетическими добродетелями — смирением, бедностью, целомудрием, — чтобы заставить их служить весьма специфическим целям, небывалым целям и, по правде говоря, не столь уж аскетическим.¹ Он заставляет их выражать его собственное своеобразие [singularité]. Для философа речь идет не о моральных целях или о религиозных средствах достижения иной жизни, а скорее об «эффектах» самой философии. Ибо для него вовсе не существует *иной* жизни. Смирение, бедность, целомудрие становятся теперь эффектами чрезвычайно богатой и насыщенной жизни, достаточно мощной, чтобы захватить мысль и подчинить себе все другие инстинкты — именно это Спиноза называет Природой: жизнь, которая проживается, не отталкиваясь от потребностей, не основываясь на средствах и целях, но которая берет свое начало в творчестве, в продуктивности, в мощи, опираясь на причины и эффекты. Смирение, бедность, целомудрие — вот тот его (философа) способ пребывания в Великой Жизни [Grand Vivant] и превращения собственного тела в храм по причине уж слишком гордой, уж слишком богатой, слишком чувственной. Так что, атакуя философа, мы испытываем стыд от того, что атакуем проявления скромности, бедности и целомудрия; и это умножает нашу бессильную ярость; а философ, не

¹ Ницше, *Генеалогия морали*, III.

предлагает никаких решений, хотя и принимает на себя все удары.

Отсюда и весь смысл философского одиночества. Ибо философ не может включиться ни в одно сообщество, он чужд любому из них. Несомненно, как раз в демократической и либеральной среде он находит наилучшие условия жизни или, скорее, выживания. Но такая среда лишь гарантирует ему, что те, кто озлоблен, не будут отравлять или уродовать его жизнь, что они не смогут подавить его способность мыслить — способность, которая, хоть немного, но выходит за рамки целей государства и общества, за рамки целей любого окружения как такового. В любом обществе, как покажет Спиноза, речь идет только о подчинении и более ни о чем: вот почему понятия [notions] вины, заслуги и проступка, добра и зла исключительно социальные, они имеют дело с послушанием и непослушанием. Тогда наилучшим будет лишь то общество, которое освобождает способность мыслить от обязанности подчиняться и которое заботится — в своих собственных интересах — о том, чтобы не подчинять мысль государственным правилам, применимым лишь к поступку. Пока мысль свободна, а следовательно, жива, нет никакой угрозы; когда же она перестает быть таковой, возможно любое подавление, и оно уже осуществляется так, что каждый поступок заслуживает порицания, каждая жизнь под угрозой. Конечно, самые благоприятные условия философ находит в демократическом государстве и в либеральной среде. Но в любом случае он никогда не смешивает собственные цели с целями государства или с целями окружения, поскольку настой-

чиво ищет в мышлении те силы, которые уклоняются как от послушания, так и от ошибок, и он сооружает образ жизни за пределами добра и зла, суровую невинность без заслуги и вины. Философ может жить в разных государствах, может часто вступать в разные сообщества, но скорее как отшельник, тень, странник или приживальщик. Вот почему не следует воображать, будто Спиноза порывает все связи с закрытой, как считается, еврейской общиной, дабы войти в предположительно открытые либеральные сообщества, в либеральное христианство, в картезианство, в буржуазные круги, благосклонные к братьям де Виттам... Ибо, куда бы он ни направлялся, он лишь спрашивает, требует — с большим или меньшим шансом на успех — терпимости к себе, к своим весьма необычным целям, и по этой терпимости он судит о степени демократичности, о степени истинности, какие общество может поддерживать, или же, напротив, об опасности, угрожающей всем людям.

Барух Спиноза родился в 1632 году в еврейском квартале Амстердама в семье зажиточного купца испанского или португальского происхождения. В еврейской школе он изучает теологию и торговое дело. С тринадцати лет работает в торговом предприятии отца и одновременно продолжает обучение (после смерти отца в 1654 году он будет вести дела вместе с мужем сестры вплоть до 1656 года). Как же происходило то медленное философское обращение, которое заставило его порвать с еврейской общиной, с торговым делом и привело к отлучению от церкви в 1656 году? Не надо думать, будто амстердамская община в то время была однород-

на; она была столь же разнообразна — по интересам и идеологиям, — сколь и христианское сообщество. Ибо большую ее часть составляли бывшие мараны, то есть евреи, внешне соблюдавшие обряды католицизма в Испании и Португалии и вынужденные эмигрировать в конце XIV века. Даже те, кто был искренне привязан к своей вере, проникаются философской, научной и медицинской культурой, которую довольно трудно примирить с традиционным иудаизмом раввинов. Отец Спинозы, по-видимому, был скептиком, что не мешало ему, однако, играть важную роль в синагоге и еврейской общине. В Амстердаме тех лет иные заходили порой так далеко, что задавались вопросом не только о роли раввинов и традиции, но и о смысле самого Писания: в 1647 году осудят Уриэля Акосту за то, что тот отрицал бессмертие души и данный в откровении божественный закон, а признавал лишь естественные законы; и, что более важно, в 1656 году вынудят к покаянию Яна де Прадо, а затем подвергнут его отлучению от церкви по обвинению в том, что тот считает, будто душа умирает с телом, что Бог существует лишь с философской точки зрения, а вера бесплодна.² Недавно опубликованные документы подтверждают тесную связь Спинозы с Прадо; и можно предположить, что эти два события [отлучение Прадо и отлучение Спинозы — *пер.*] взаимосвязаны. Если Спиноза и был осужден более сурово — отлучен от церкви уже в 1656 году, — то лишь потому, что отказался от покаяния и сам искал повода для разрыва. Раввины — как и в большинстве подобных случаев, — видимо, надеялись на ком-

² Cf. I.S.Révah, *Spinoza et Juan de Prado*, Mouton, 1959.

промисс. Но вместо покаяния Спиноза написал *Слово в защиту того, что я праведно вел себя в Синагоге* или, по крайней мере, набросок будущего *Богословско-политического трактата*. То, что Спиноза сам родился в Амстердаме и был дитя общины, еще более осложнило его положение. Жить в Амстердаме ему становится трудно. Возможно, из-за попытки покушения на него со стороны фанатика он уезжает в Лейден, чтобы там продолжать свое философские образование, и останавливается в пригороде Рейнсбурга. Говорят, Спиноза хранил свой плащ с прорехой от ножа как напоминание о том, что мысль далеко не всегда любима людьми; бывает, философ заканчивает жизнь судом и приговором, но куда реже он начинает с отлучения и с покушения на его жизнь.

Итак, чтобы понять разрыв Спинозы с еврейской общиной, мало обратить внимание на ее разнородность и на судьбу философа, объясняя этот разрыв влиянием либеральных христианских идей, как если бы все происходило под действием внешних причин. Несомненно, уже в Амстердаме, когда был еще жив его отец, он прошел курс школы ван ден Эндена, которую посещало немало молодых евреев, изучавших там латынь, элементы картезианской философии и науки, математики и физики: бывший иезуит Франциск ван ден Энден быстро обрел репутацию не только картезианца, но вольнодумца и атеиста, а также политического агитатора (его казнят во Франции в 1674 после восстания шевалье де Роана).³ Несомненно, Спиноза часто посещал собрания либеральных и антиклерикальных хри-

³ В романе Эжена Сю «Лотреамон» описана деятельность ван ден Эндена как демократического заговорщика.

стиан — Коллегиантов и Менонитов, — вдохновляемых определенным пантеизмом и коммунизмом пацифистского толка. Он снова встретится с ними в Рейнсбурге, бывшем тогда одним из их центров: он установит контакт с Ярихом Иеллесом, Петером Баллингом, Симоном де Врисом и «прогрессивным» книготорговцем и издателем Яном Риувертсом (в письме к Ольденбургу в 1655 году Спиноза ратует за пацифизм, а коммунистическая тема появляется в письме к Иеллесу в 1671). Тем не менее, ван ден Энден, по-видимому, остается приверженцем формы католицизма, не смотря на препятствия, которые встречает эта религия в Голландии. Что касается философии менонитов и коллегиантов, то философия Спинозы значительно выше последней как с точки зрения критики религии, так и в отношении этической концепции и политической озабоченности. Не стоит ломать голову по поводу влияния менонитов или даже картезианцев на Спинозу, лучше подумать о том, каким образом он естественно оказался вовлеченным в самые терпимые круги — в те, что склонны принять отлученного от церкви еврея, отвергающего как христианство, так и иудаизм, в котором он вырос и разрывом с которым был обязан лишь себе самому.

Помимо всего прочего, отлучение от церкви у евреев имело свой политический и экономический смысл. Такое отлучение было довольно часто применяемой и, порой, необратимой мерой наказания. У старейшин общины, лишенных государственной власти, не было иной меры воздействия для наказания тех, кто отказывался делать финансовые взносы или не придерживался ортодоксальных политических воззрений. Еврей-

ские старейшины, как и старейшины кальвинистской партии, полностью сохранили ненависть к Испании и Португалии. Они были преданы Оранскому дому и имели к тому же свои интересы в Вест-Индской компании (Раввин Менассе бен-Израиль — один из учителей Спинозы — был близок к тому, чтобы в 1640 году его отлучили от церкви за критику Вест-Индской компании; а члены совета, осудившего Спинозу, сами были оранцами, прокальвинистами, антииспанцами и, в своем большинстве, пайщиками в этой Компании). Связи Спинозы с либералами, его симпатии к республиканской партии Яна де Витта, взывавшего к роспуску крупных монополий, — все это делало Спинозу мятежником. В любом случае, Спиноза порвал не только с религиозной средой, но и, поскольку он оставил отцовское дело, с экономическим окружением. Спиноза научился шлифовать линзы, стал ремесленником, — философом-ремесленником, овладевшим ручным ремеслом и способным к постижению законов оптики и работе с ними. Также он начал рисовать; его первый биограф Колерус сообщает, что Спиноза рисовал себя в позе и костюме неаполитанского революционера Мазаньелло.⁴

В Рейнсбурге Спиноза показывает друзьям свой текст, написанный на латыни, который затем станет *Кратким трактатом*. Делаются замечания, Иеллес переводит его на голландский; возможно, некоторые прежде написанные тексты Спиноза диктует. Около 1661 году он сочиняет *Трактат об усовершенствовании*

⁴ Гравюра, сохранившаяся в Амстердаме (Художественная коллекция Рейнс-музея), по-видимому, является репродукцией этого портрета.

нии разума, открывающийся со своего рода духовного руководства, которое направлено на осуждении богатства. Этот трактат — лучшее изложение метода Спинозы — останется незавершенным. Около 1663 года жившему с ним молодому человеку, который и подавал надежды, и изрядно раздражал его, он представляет *Основы философии Декарта*, дополненные критическим исследованием схоластических понятий [notions] (*Метафизические мысли*): Риувертс публикует книгу; Иеллес финансирует ее; Баллинг переведет на голландский. Людовик Мейер — физик, поэт, создатель нового театра в Амстердаме — пишет предисловие. С *Основами* «профессорская» деятельность Спинозы заканчивается. Немного мыслителей избежало обычного искушения стать специалистами по собственным открытиям — соблазна стать частным духовным воспитателем. Но запланированная Спинозой *Этика* и начало работы над ней уже в 1661 году переводят его в другое измерение, в иную стихию, которая, как мы увидим, уже не может быть стихией «изложения», пусть даже методологического. Возможно, именно по этой причине Спиноза оставляет *Трактат об усовершенствовании разума* незавершенным и, несмотря на свои более поздние намерения, так и не находит времени закончить его.⁵ Не стоит полагать, будто в свой квази-профессорский период Спиноза всю дорогу оставался картезианцем. *Краткий трактат* уже демонстрирует способ мышления, использующий картезианство лишь как средство

⁵ Наиболее достоверный довод для отказа от этого *Трактата об усовершенствовании разума* следует усматривать в теории «общих понятий», как она появляется в *Этике* и делает некоторые аргументы *Трактата* (см. гл.V) неработающими и ненужными.

для того, чтобы не устранить, но очистить любую схоластику, любую еврейскую мысль и мысль Возрождения, дабы выделить в них нечто фундаментально новое, что принадлежит только Спинозе. Сложная связь между экспозицией *Основ* и *Метафизическими мыслями* свидетельствует об этой двойной игре, в которой картезианство трактуется наподобие фильтра, но так, что возникает новая и удивительная схоластика, не имеющая ничего общего ни с прежней схоластикой, ни даже с картезианством. Картезианство никогда не было стержнем мышления Спинозы; скорее, оно больше похоже на риторику, Спиноза использует картезианство как риторику, которая была ему необходима. Но законченную форму все это обретет только в *Этике*.

В 1663 году Спиноза перебирается в Ворбург, пригород Гааги. Позже он обоснуется в столице. То, что определяет Спинозу как странника, — это не покрываемые им расстояния, а, скорее, склонность останавливаться в пригороде, скорее, отсутствие у него привязанности к какой-то собственности, особенно, после отказа от наследства отца. Он продолжает работать над *Этикой*; уже в 1661 году письма Спинозы и его друзей показывают, что последние знакомятся с темами первой книги, а в 1663 году Симон де Врис упоминает о группе интеллектуалов, читавших и обсуждавших присланные Спинозой тексты. Но, доверяясь своим друзьям, он, одновременно, просит их держать в тайне свои идеи, опасаться чужаков, а также он будет весьма осторожен и по отношению к Лейбницу в 1675 году. Причина того, что он поселяется в Гааге, весьма вероятно, политического характера: необходима близость к столице, если он

хочет сойтись с активистами из либеральных кругов и избежать политического равнодушия со стороны коллегантской группы. Что касается двух главных партий — Кальвинистов и республиканцев, — то ситуация здесь такова: первые остаются приверженцами борьбы за независимость, политики войны, амбиций Оранского дома, формирования централизованного государства; вторые же — политике мира, провинциальной организации и развитию рыночной экономики. Пылкому и агрессивному поведению монархии Ян де Витт противопоставляет рациональные действия республики, руководствующиеся *естественным и геометрическим* методом. Итак, загадка, по-видимому, вот в чем: народ остается приверженным Кальвинизму и Оранскому дому, духу нетерпимости и разжиганию войны. Начиная с 1653 года, Ян де Витт — Верховный Пенсинарий Голландии. Но республика, как это ни удивительно, остается республикой по какой-то случайности, а больше из-за отсутствия государя, чем по предпочтению, и она плохо принимается народом. Когда Спиноза говорит о губительности революций, мы должны помнить, что революция мыслится здесь в связи с теми разочарованиями, которые вызвала революция Кромвеля, или в связи с волнениями вызванными возможным государственным переворотом со стороны Оранского дома. «Революционная» идеология пропитана теологией и довольно часто находится — как в случае с Кальвинистской партией — на службе реакционной политики.

Итак, не удивительно, что Спиноза в 1665 году временно приостанавливает работу над *Этикой* и начинает писать *Богословско-политический трактат*, где бу-

дет подняты принципиальные вопросы: почему люди столь глубоко иррациональны? почему они так гордятся собственным поработленным состоянием? почему они борются «за» собственное рабство так, как если бы боролись за свою свободу? почему религия, взывающая к любви и радости, вдохновляет войны, нетерпимость, ненависть, злобу и раскаяние? В 1670 появляется *Богословско-политический трактат* без имени автора и приписанный вымышленному германскому издателю. Но авторство скоро обнаруживается; мало книг вызывали такое резкое отторжение, анафему, оскорбления и проклятия: евреи, католики, кальвинисты и лютеране — все правоверные круги, включая самих картезианцев — соревновались в осуждении этого произведения. Сами слова «спинозизм» и «спинозист» становятся оскорблениями и угрозами. Осуждались даже те критики Спинозы, которые, как считалось, не были достаточно жесткими. Несомненно, среди таких критиков на самом деле были растерянные либералы и картезианцы, которые тем не менее участвовали в нападках на Спинозу, что свидетельствует об их ортодоксальности. Взрывная книга всегда сохраняет свой взрывной заряд: мы до сих пор не можем читать *Трактат*, не открывая в нем функцию философии как радикального деяния, направленного на демистификацию, или как науку об «эффектах». Нынешний комментатор может сказать, будто подлинная оригинальность *Трактата* состоит в том, что религия рассматривается в нем как эффект.⁶ Не только в каузальном, но и в оптическом смысле, — эффект, чей процесс производства будет отыскиваться

⁶ См. Ж.-П. Озер, Предисловие к *Сущности христианства* Фейербаха, «Или Спиноза, или Фейербах», Maspero, Paris.

через связь с его необходимо рациональными причинами, которые играют людьми, не понимающими их (например, способ, каким естественные законы необходимо воспринимаются как «знаки» теми, у кого сильное воображение и слабый рассудок). Даже имея дело с религией, Спиноза полирует линзы, спекулятивные линзы, показывающие произведенный эффект и законы его производства.

Именно связь с республиканской партией и, возможно, протекция де Витта спасают Спинозу от более серьезных проблем. (Уже в 1669 г. Коербег — автор философского словаря, осужденного за его спинозистский дух, — был арестован и умер в тюрьме.) Но Спиноза вынужден оставить пригороды, где пасторы сделали его жизнь невыносимой, и поселяется в Гааге. И, более того, плата за это — молчание. В Нидерландах война. После убийства братьев де Виттов в 1672 году и возвращения к власти оранжистской партии для Спинозы не может быть и речи опубликовать *Этику*; робкая попытка в Амстердаме в 1675 году была достаточно убедительна, чтобы отказаться от этой идеи. «Это послужило поводом для некоторых теологов (может быть авторов этого слуха) обратиться с жалобой на меня к принцу и к городским властям. Кроме того, тупоголовые картезианцы, так как они считаются благожелательно настроенными по отношению ко мне, чтобы отвести от себя это подозрение, не переставали и не перестают повсюду поносить мои мнения и мои сочинения».⁷ Для Спинозы не может быть и речи покинуть страну. Но он все более одинок и болен. Единственное сообщество, с ко-

⁷ Письмо 28 Ольденбургу.

торым он мог жить в мире, оставило его. Тем не менее, его навещают просвещенные люди, желающие узнать *Этику*, даже если это влечет за собой союз с его критиками или даже вообще отрицание того, что такие визиты имели место (как в ситуации с Лейбницем в 1676 г.). Кафедра философии в Гейдельберге, предложенная Спинозе в 1673 году Членом коллегии Пфальцграфа, не соблазнила его: Спиноза принадлежит к направлению «частных мыслителей», подрывающих ценности и выстраивающих свою философию ударами молота; он не из «публичных профессоров» (которые, по одобрительным словам Лейбница, не будоражат устоявшиеся мнения, устои Морали и Политики). «Но так как я никогда не имел намерения выступать на поприще публичного преподавания, то, как долго я ни раздумывал, я не могу побудить себя воспользоваться этим прекрасным случаем».⁸ Мысль Спинозы теперь направлена на злободневные проблемы: каковы шансы коммерческой аристократии? почему потерпела поражение либеральная республика? можно ли превратить толпу в сообщество свободных людей, а не в сборище рабов? Все эти вопросы оживляют *Политический трактат*, который, что символично, обрывается на начале главы о демократии. В феврале 1677 года Спиноза умирает, возможно, от болезни легких, в присутствии своего друга Мейера, вступившего во владение его рукописями. К концу года на деньги анонимного мецената публикуются *Opera posthuma*.

⁸ Письмо 48 Фабрициусу. — О спинозистском понятии преподавания см. Политический трактат, гл. VIII, § 49: «Каждому желающему разрешается обучать публично, причем расходы и риск потери репутации — уже его личное дело».

Как же объяснить то впечатление, какое производит столь скудная, лишенная достатка жизнь, подрываемая болезнью, столь тщедушное, хилое тело, столь суровое, овальное лицо со сверкающими черными глазами — впечатление, будто они залиты самой Жизнью, обладают мощью, тождественной этой Жизни? На протяжении всей своей жизни как мышления Спиноза рисует образ положительной, утверждающей жизни, противостоящей тем видимостям [simulacres], какими довольствуются люди. Они не только довольствуются последними, они чувствуют ненависть к жизни, они стыдятся ее; человечество идет к саморазрушению, умножая культы смерти, осуществляя сакральный союз тирана и раба, священника, судьбы и солдата, всегда загоняющих жизнь в силки, уродующих ее, убивающих сразу или постепенно, покрывая и удушая жизнь законами, собственностью, долгом, империями: вот все то, что Спиноза диагностирует в мире — предательство вселенной и человека. Его биограф Колерус сообщает, что Спиноза любил следить за драками пауков: «когда он желал дать своему уму более продолжительный отдых, он ловил и стравливал нескольких пауков или бросал в паутину мух; и наблюдение за борьбой насекомых доставляло ему такое удовольствие, что, глядя на это, он разражался громким смехом».⁹ Именно жи-

⁹ Этот анекдот кажется подлинным, ибо в нем много «спинозистских» резонансов. Борьба пауков или паука с мухой могла бы очаровать Спинозу по нескольким причинам: 1° с точки зрения внешнего характера необходимой смерти; 2° с точки зрения композиции связностей в природе (как паутина выражает связь паука с миром — связь, которая как таковая соответствует связности, свойственной мухе); 3° с точки зрения относительности совершенств (как состояние, которое отмечает несовершенство

вотные, по меньшей мере, учат нас понимать несводимо внешний, объективный характер смерти. Они не несут ее в себе, хотя необходимым образом несут ее друг другу: неизбежная *гибельная встреча* в порядке естественного существования. Но они не изобрели еще внутреннюю смерть, универсальный садо-мазохизм тирана-раба. В упреке, который Гегель сделает Спинозе за то, что тот игнорирует негативное и его силу, кроется слава и бесхитрость Спинозы, его собственное открытие. В мире, подтачиваемым негативным, у него есть достаточно уверенности в жизни, в силе жизни, чтобы бросить вызов смерти, кровожадным влечениям человека, правилам добра и зла, справедливости и несправедливости. Достаточно уверенности в жизни, чтобы осудить все фантомы негативного. Отлучение от церкви, война, тирания, реакция, люди, воюющие за собственной рабство так, как если бы оно было их свободой, формируют мир негативного, где живет Спиноза; убийство братьев де Виттов показательно для него. *Ultimi barbarorum*.¹⁰ Все способы унижить и разрушить жизнь, все негативное имеют два источника, один повернут вовне, другой — внутрь, злопамятность и нечистая совесть, ненависть и вина. «Два главных врага человеческого рода — Ненависть и Раскаяние».¹¹ Он снова и снова осуждает эти источники, как связанные с человеческим сознанием, и они иссякают с появлени-

человека, например, война, может, напротив, свидетельствовать в пользу совершенства, если оно соотносится с другой сущностью, такой как сущность насекомого: см. *Письмо 19* Блейенбергу). Далее мы снова столкнемся с этими проблемами.

¹⁰ *Прим. перев.:* жестокое варварство (лат.).

¹¹ *Краткий трактат*, первый диалог.

ем нового сознания, нового видения, нового влечения к жизни. Спиноза чувствует, ощущает, что он вечен.

По Спинозе жизнь — это не идея, не предмет теории. Она — способ бытия, один и тот же вечный модус во всех атрибутах. И только лишь с этой точки зрения обретает смысл геометрический метод. В *Этике* он присутствует как противоположность тому, что Спиноза называет сатирой; а сатира — это всегда то, что находит удовольствие в бессилии и страдании человека, все то, что выражает презрение и насмешку, все, что питается обвинениями, злобой, унижениями, скверными толкованиями, все, что разрушает душу (тиран нуждается в сломленной душе, как и сломленная душа нуждается в тиране). Геометрический метод перестает быть методом интеллектуального изложения; речь более не идет о профессорском изложении, но о методе *изобретения*. Он становится методом витального и оптического очищения. Если человек каким-то образом деформирован, то такой эффект деформированности будет исправлен присоединением его к его же причинам *more geometrico*. Такая оптическая геометрия пронизывает всю *Этику*. Спросим себя, следует ли читать *Этику* в терминах мышления или же в терминах способности (например, являются ли атрибуты способностями или понятиями [concepts])? На самом деле есть только один термин — Жизнь, — который содержит в себе мысль, но с другой стороны постигается только мыслью. Не то, чтобы жизнь существовала в мышлении. Но только мыслитель обладает мощной жизнью без вины и ненависти, только жизнь выявляет мыслителя. Геометрический метод, профессия полировщика линз и жизнь Спинозы

должны быть поняты как составляющие некое целое. Ибо Спиноза — это один из *живых ясновидцев*. Он выражает это точно, когда говорит, что доказательства — «очи души».¹² Речь идет о третьем глазе, том, который позволяет нам видеть жизнь по ту сторону всяких притворств, страстей и смертей. Для данного типа видения нужны такие добродетели, как смирение, бедность, целомудрие, умеренность, но уже не как те добродетели, что уродуют жизнь, но как способности, которые сочетаются с нею и пронизывают ее. Спиноза не верил ни в надежду, ни даже в мужество; он верил только в радость и в видение. Он позволял жить другим при условии, что другие позволяют жить ему. Он хотел только вдохновить, разбудить, заставить видеть. Цель доказательства, как третьего глаза, состоит не в том, чтобы господствовать или даже убеждать, а только, чтобы придавать форму стеклу и полировать линзы ради такого вдохновенного свободного видения. «Понимаете, ... иногда я воспринимаю это так, будто все искусство, вся наука, вся философия занимались пока что шлифовкой линз. Это грандиозное приготовление к чему-то, чего никогда еще не бывало. Но придет день — подготовка закончится, линзы будут отшлифованы, и вот тут-то мы и увидим, как ошеломляюще прекрасен мир» (Генри Миллер¹³).

¹² *Богословско-политический трактат*, гл. 13. *Этика*, V, 23, схолия.

¹³ *Прим. перев.:* Миллер Г. Сексус — М.: ООО «Издательство АСТ», «Институт ДИ-ДИК», 2002, с.207 —

БИБЛИОГРАФИЯ

Спиноза опубликовал следующие две работы: *Первую и вторую части основ философии Декарта, доказанных геометрическим способом*; затем *Метафизические мысли* (1663, на латинском языке) и *Богословско-политический трактат* (1670, на латинском языке).

Спиноза также написал, не публикуя по разным причинам:

1650-1660: *Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье*. Первоначально он был написан на латинском языке. Но мы знаем лишь две рукописи на голландском языке, похожие на авторские примечания, к которым сам Спиноза, может быть, сделал добавления в некоторых разделах. В целом, по-видимому, *Трактат* составлен из текстов разной датировки, причем «Первый диалог», несомненно, наиболее ранний из них.

1661: *Трактат об усовершенствовании разума*, на латинском языке. Это незаконченная книга. Спиноза также начинает писать *Этику*: возможно, некоторые положения *Этики*, в особенности касающиеся «общих понятий», послужили причиной того, что он посчитал *Трактат* уже не актуальным.

1661-1675: *Этика*. Полностью законченная книга на латинском языке, которую Спиноза собирался опубликовать в 1675 году. Он оставил эту мысль по соображениям осторожности и безопасности.

1675-1677: *Политический трактат*. Неоконченная книга на латинском языке.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru